

Мена (Гатцук)

Нашел старик у себя на дворе горошину. «Сыпь, — говорит, — старуха, горошину в печь, высуши, истолки, киселя навари, разлей в блюда. Пойду я к царю, понесу ему в поклон блюдо киселя — не пожалует ли нас царь чем-нибудь ради нашей бедности».

Снес старик царю блюдо киселя и пожаловал ему царь четверик золота.

Взвалил он мешок с золотом на плечи и идет домой; шел-шел, уморился, чуть тащится. Вдруг навстречу ему парень, верхом едет. «Здорово, дедушка! Откуда Бог несет?» — «Ходил к царю, носил в поклон блюдо киселя». — «А чем тебя царь пожаловал?» — «Четвериком золота». — «Эка, как устал-то ты дедушка, мешок тащивши! Променяй твоё золото на моего коня. Сядешь на него — не увидишь как до дому доедешь, а я помоложе тебя: как-нибудь с мешком управлюсь». Подумал-подумал старик — и променял четверик золота на коня.

Едет старик: трюх-трюх, трясет его верхом, всю поясницу разломило: всю душу вымотало. А тут еще на грех как споткнется под ним конь — полетел старик кверху ногами, шлепнулся кулем на землю и лежит. По дороге гнал пастух корову, подошел к старику и спрашивает: «Что ты, дедушка, посередь дороги развалился? Лег бы отдохнуть к сторонке». А старик ему: «Ходил я, родимый, к царю, носил в поклон блюдо киселя, пожаловал мне царь четверик золота; я золото на коня променял, да либо конь не по мне, либо я не по коню — вот теперь и лежу». Поднял старика пастух и говорит: «Куда уж тебе, дедушка, такой борзый конь! Променяй-ка его мне на мою корову». Подумал-подумал старик и променял своего коня на корову.

Идет дальше, вдруг навстречу ему мужик, овцу гонит: «Здорово, дедушка! Откуда Бог несет?» Рассказал ему старик. «Променяй коровку на мою овцу. Ишь, овца-то какая жирная да курчавая. А в твоей корове что? Ни шерсти, ни мяса». Подумал старик и променял корову на овцу.

Гонит овцу, а навстречу ему баба, гуся, под мышкой несет: «Здравствуй, дедушка! Откуда бредешь?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселя; меня царь мешком золота пожаловал, да только я золото на коня променял, а коня на корову». — «Где ж у тебя корова-то?» — «Да вот на эту овечку выменял». — «Променяй овечку на моего гуся». Подумал старик и променял овцу на гуська.

Тащит старик гуся, глядь: бежит по дороге девчонка и курицу несет: «Откуда идешь, дедушка?» Рассказал ей старик, а девочка и говорит: «Променяй, дедушка, твоего гуська на мою курочку: ее кормить легче будет». Подумал старик и променял гуська на курочку.

Несет курочку под мышкой, а она вырывается, крыльями хлопает. Билась-билась и вырвалась у старика. Давай ее старик ловить. Лапти у него старые, оборки рваные; оборки развязались, лапти с ног валяются, в ногах путаются — никак старик курицы не поймает. Шел в то время дорогою мужик, нес за спиной новые лапти: «Здорово, дедушка! Бог в помощь курицу ловить. Откуда это ты?» Старик ему рассказал. «Эх, дедушка! Где тебе курицу поймать. Променяй ее лучше мне за новые лапти, а то в твоих тебе и до дому не дойти». Старик подумал-подумал — и променял. V.

Поймал мужик курицу и пошел своей дорогой, а старик сел на траву переобуваться. Хватъ — лапти на ногу не лезут, вовсе малы. Что тут делать? Идет мимо офеня коробейник, за плечами тащит короб с нитками, иголками, ситцами, платками, всякими бабьими безделками. «Старичку почтенье! Издалека ли, дедушка?» — «Ходил, родимый, к царю, носил в поклон блюдо киселя; пожаловал мне царь на мою бедность мешок золота». — «О! Где ж оно у тебя?» Рассказал тут старик про свою мену, а коробейник ему и говорит: «Нутка, покажи твои лапти, может быть, мне впору придутся: по вашим местам и на сапоги не наторгуешь». Примерил — в самый раз. «Променяй, — говорит, — мне твои лапти; я за них тебе иголку дам». Подумал старик и отдал лапти за иголку.

Недалеко старику уж и до своего села было, только споткнулся он и упал. Хватъ, а иголки-то в кафтане, куда он ее заткнул, и нет: вывалилась. Давай он по земле лазить, в траве руками шарить.

Ехал мимо барин богатый на тройке, приказал кучеру остановиться и спрашивает: «Чего ты, дедушка, по траве на карачках ползаешь?» — «Иголку ищу, батюшка: потерялась». — «Ну, вот! Где уж иголку в высокой траве найти. Да ты откуда?» Рассказал старик и барину все, что с ним было.

Давай барин над стариком смеяться. «Вот так меняла! — говорит. — Тебе бы цыганом быть. Только как-то ты теперь домой покажешься: ведь съест тебя поедом твоя старуха за такую мену, все кочерги-ухваты об тебя обломает». — «Нет, барин, моя старуха не такая. Ты погляди, как она еще мне обрадуется». — «Нет, старик, об заклад побьюсь, что достанется тебе». Спорили-спорили, и поставил барин в заклад тысячу рублей, что побьет старуха старика за мену. _

Приехали к стариковой избе; барин в сенях остался, слушает, как-то старуха мужа встретит, а старик в избу вошел и говорит: «Здорово, жена!» — «Здравствуй, родимый, здравствуй, голубчик! Стосковалась я, тебя поджидаячи». — «А мне» жена, мешок золота царь пожаловал". — «Ну, и то слава Богу; значит, теперь и мы с деньгами будем». — «Только я золото-то тащил-тащил, уморился и на коня поменял». — «И чудесное дело: с деньгами-то, как подумаешь, только грех один, а лошадь в нашем деле кормилица: дровец ли привезти, в поле ли поработать...» — «Ты погоди: с лошади-то я свалился, ушибся, да и променял ее на корову». — «Ишь, ты у меня какой догадливый! Я и сама-то подумала: куда уж тебе, старику, с лошадью управляться! А коровка-то чего лучше: будем молочко теперь с кашей хлебать». — «Только я подумал: чем мы корову-то будем кормить? Да и променял ее на овечку». — «И то, ведь, правда; да к тому ж и я стара стала, за коровкой-то уход нужен. То ли дело овца: обстригу с нее шерстку, напряду, сукна натку — глядишь, и кафтан новый у тебя будет, а, то этот-то дыра на дыре». — «Так-то так, только я овечку на гуся променял. Думаю: за овцу пастуху еще платить надо, а гусь у нас и на дворе около лужи походит». — «Уж чего лучше: чудесно откормится. А как мы этого гуська зарежем, да зажарим — смотришь, и праздник не хуже людей встретим». — «Ну а я подумал: что гусь? Съел его, только и всего! Да и променял его на курочку». — «Ах ты, родимый, ты мой, вот радость-то мне на старости лет: курочка нам, глядишь, яичек нанесет, цыпляток выведет: и яишенку когда поедим, да и птицы полон двор будет». — «Ты погоди: курочка-то у меня вырвалась, никак я ее поймать не мог; взял, да и променял на новые лапти». — «И вправду, беда с этими курами: то ястреб унесет, то на чужой двор залетит, то ребятишки камнем зашибут. А лапти у тебя вовсе растоптались, с ног валяются». — «Только лапти-то я уж больно малы взял: на ногу не лезут. Так я их на иголку променял». — «Уж это чего хуже, как лапти малы: все ноги собьешь! А за иголку тебе в ножки поклонюсь: спасибо, что и обо мне вспомнил. Иголлка всегда пригодится: зашить что, заштопать». — «Да только вот беда: споткнулся я, упал да иголку-то и потерял». — «И, родимый, что за беда! Беда невеликая; спасибо, что сам-то жив-здоров воротился».

Слушает барин и диву дается. «Ну, старик, — говорит, — видал я много всего на своем веку, а таких чудес отроду не видывал. Не жаль и денег отдать. Получай тысячу рублей!»

Получил старик деньги и зажил со старухой припеваючи.